

Т. Ворожейкина

«Альтернатива – это то,
что создается целенаправленной
работой в обществе»

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Vorojeikina_47.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

24 октября прошлого года в Москве по инициативе Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал», Института национального проекта «Общественный договор» и Фонда «Информатика для демократии» состоялись третьи Ходорковские чтения «Российские альтернативы». Ниже публикуются с небольшими сокращениями несколько выступлений участников чтений, выступавших на сессии «2003–2008. Результаты, издержки, упущенные возможности».

«Альтернатива – это то, что создается целенаправленной работой в обществе»

Татьяна Ворожейкина, независимый исследователь

Вопрос об издержках и упущенных возможностях я хотела бы связать с процессами институциональной инволюции, которые, на мой взгляд, начались в России до 2003 года, когда они консолидировались и окончательно оформились в законченную систему.

Результатом этих процессов стало формирование конструкции государства с тремя важнейшими, на мой взгляд, характеристиками. Первая — непубличный характер государственной власти. Если постулировать это более жестко, то, на мой взгляд, государство как система публичных институтов в России отсутствует. На ее месте — система, по сути, *частной* власти. С этим связана вторая характеристика — единство власти и собственности, традиционное для России при всех режимах. Но в путинскую эпоху оно было доведено до максимума. По сути дела, важнейшие административные рычаги и наиболее прибыльные экономические активы принадлежат одной очень узкой группе людей. Третья характеристика — все уменьшающаяся и сокращающаяся обратная связь между государством и обществом. Или, если угодно, *населением*, поскольку наличие общества в России все время ставится под вопрос.

Отсюда, если говорить о власти, ее постоянные фантомные фобии. Например, страх «оранжевой революции» в России. С другой стороны, пропаганда и насилие, точнее, пропаганда, опирающаяся на избирательное использование

насилия как единственно доступное средство управления обществом. Ликвидировав институты и выстроив вертикаль исполнительной власти, государственная власть лишила себя каких-либо каналов эффективного управления. Остались только фобии и насилие.

Если говорить об устойчивости или неустойчивости этой политической системы, то, на мой взгляд, она становится все более слабой и неустойчивой уже в краткосрочной перспективе. Финансовый и следующий за ним экономический кризис делает особенно очевидным важнейший изъян системы — тотальное отсутствие доверия.

Такая траектория политического развития может вести к разным последствиям. Одно из них — следование наезженной исторической колее: государство и в спокойных, и в кризисных условиях присваивает все больше прав и обязательств, все больше становится единственной силой, удерживающей общество от распада и хаоса. Затем, когда становится ясно, что все обязательства невозможно выполнить, наступает крах государства, а после краха — возрождение того же типа взаимоотношений рыхлого, неструктурированного общества и всеобъемлющего и все подавляющего государства. Мы это проходили неоднократно. В XX веке дважды: в циклах 1905–1921 и 1987–1993 годов.

Как можно выйти из этой колеи? И можно ли вообще? Мне кажется, что важнейшим для того, чтобы наконец сойти с

траектории предшествующего развития, является возникновение (создание) субъекта исторического действия. Здесь я хочу вернуться к проблеме издержек и упущенных возможностей, но не по отношению к власти, а под углом зрения того, были ли возможности для возникновения такого субъекта? И если были, то какие?

С моей точки зрения, главные проблемы, обуславливающие слабость демократического процесса в России, слабость субъекта, способного обеспечить выход за пределы постоянного воспроизведения одного и того же, связаны *не* с действиями власти и *не* с состоянием умов большинства народа. Или, точнее, не только с ними. Важнейшей проблемой является отсутствие сколько-нибудь устойчивых демократических тенденций и традиций в образованной части общества (в бывшей интеллигенции). При этом *либеральные* экономические взгляды, которые достаточно широко распространены, ни в коей мере не заменяют *демократических*. Российские либералы обычно всегда готовы впасть в иллюзию относительно намерений власти.

Хочу процитировать одного очень уважаемого мной человека, который в одном интервью сказал: «Весной мы надеялись, что переходим на новый этап. Мы надеялись на нечто, типа “перехода к демократии”». Мой вопрос: какие были основания для таких надежд весной? После восьми лет однозначного расширения авторитаризма, после истории с назначением «преемника» ничего, кроме необоснованных иллюзий, не могло лежать в основании подобных надежд. Автор цитаты и некоторые другие «полагали, что Медведев пытается сформулировать базу для политической поддержки таких действий (перехода к демократии. — *Т.В.*), а Путин остался на посту премьер-министра, чтобы ему помочь».

В этой связи не могу удержаться от латиноамериканских сравнений. Благодаря фонду «Либеральная миссия», я не так давно провела два месяца в Бразилии. Пыталась понять: почему процессы, на-

Важнейшей проблемой является отсутствие сколько-нибудь устойчивых демократических тенденций и традиций в образованной части общества

чавшиеся в 1985 году в двух странах — СССР и Бразилии, в весьма сходных политических, психологических и экономических условиях привели к столь разным результатам? Почему Бразилия, несмотря на не очень благоприятную для этого социальную ситуацию, последовательно продвигается по пути строительства демократических институтов, а мы находимся там, где мы есть. При этом в политологической литературе Бразилия фигурирует как классический пример перехода, основанного на пакте элит. И я поняла там одну простую вещь: устойчивость демократического процесса в Бразилии, помимо прочего, связана с наличием слоя убежденных демократов (а не только экономических либералов), которые не были готовы сотрудничать с диктатурой *ни на каких* условиях. Именно они после возвращения в 1985 году к гражданскому правлению возглавили переход к демократии и, в особенности, ее консолидацию.

Позволю себе напомнить, что предыдущий президент Бразилии, социолог с мировым именем Фернандо Энрике Кордозо четыре года провел в вынужденной эмиграции, а когда в 1968 году вернулся в страну, был полностью поражен во всех политических правах и даже не был допущен к преподаванию в университете в Сан-Пауло. Нынешний президент Луис Игнасио Лула де Силва в 1982 году был политическим заключенным. Лула, что особенно важно подчеркнуть в

этом контексте, в конце 70-х годов возглавил профсоюзное движение с антидиктаторской направленностью, а Фернандо Энрике Кордозо, в то время ученый и оппозиционный политический лидер, считал своей главной целью с этим профсоюзным движением сотрудничать и развивать его (о чем он подробно пишет в своих недавно опубликованных воспоминаниях). Суть того, что он говорит, в следующем: действительная политическая демократия, создание устойчивых демократических институтов невозможны без одновременной демократизации общества, общественных отношений. И отсюда — важность низовых движений. Демократия в принципе невозможна без обретения достоинства всеми гражданами общества. Рынок к ней *напрямую не ведет*.

Думаю, что опыт Польши 1980-х — начала 1990-х годов очень ярко иллюстрирует необходимость единства низового социального движения и демократических интеллектуалов для разрушения авторитарной системы. В польском случае это единство «Солидарности» и КОС-КОР. Мне кажется, что дело заключается в снобизме и «народобоязни» российских либералов. Над всеми нами довлеет определенное истолкование опыта 1917 года. Я позволю себе процитировать еще одного уважаемого мной публициста и исследователя, который говорит: «политическая практика, основанная на нонконформизме, всегда чревата болезненной возгонкой косных народных масс через тернии к звездам». Здесь не место и не время вступать в дискуссию по поводу 1917 года, но мне кажется, что возможна и иная интерпретация того, что с нами произошло, а именно: массы остаются косными, становятся легкой добычей демагогов и авторитарных вождей тогда, когда им не предлагаются альтернативы, учитывающие их реальные интересы. Это произошло в 1917-м, это же произошло и в 1991 году.

Резюмируя, хочу сказать три главных вещи. Во-первых, основные издержки периода 2003—2008 годов (и шире, поскольку главный выбор был сделан раньше, в 1990-е), заключаются в том, что народ (здесь можно говорить «масса», «население», «общество») остается там, где он есть, и поддерживает власть потому, что ему не было предложено внятной альтернативы, основанной на его реальных социальных интересах.

Во-вторых, альтернатива не есть что-то объективно данное, то, что возникает в обществе спонтанно. Альтернатива — это то, что создается целенаправленной работой в обществе. У нас *не было* альтернатив в 2003—2008 годах потому, что мы их не создали. Речь не идет, сразу оговорюсь, об объединении демократических партий. Речь о выстраивании социальных союзов и социальных структур в обществе. Нам всегда некогда. У нас никогда — ни в 1990-е годы, ни сейчас — нет времени на формирование институтов гражданского общества. Мы всегда спешим. Мы все время ждем появления альтернатив сверху. Между тем значимый для демократического развития раскол в правящих группах возможен лишь тогда, когда существуют альтернативы в обществе. Без них мы встретим новый возможный раскол верхов с таким же слабым обществом, как это было в 1987—1993 годах. И с теми же последствиями для демократии.

Наконец, третье. С моей точки зрения вопрос не в том, сотрудничать нам или нет с властью. Вопрос в том, *как* с ней взаимодействовать, какая переговорная сила будет у демократов, чтобы иметь возможность воздействовать на результаты этого сотрудничества. Иначе это в лучшем случае будут пустые иллюзии, а в худшем — использование властью авторитета уважаемых людей и их кооптация в существующую систему. Я убеждена, что такую переговорную силу может дать только опора на независимые социальные движения.

«В обществе не произошло реальной структурной дифференциации»

Лев Гудков, директор Аналитического центра Юрия Левады

В отличие от Татьяны Ворожейкиной я не считаю, что у нас были созданы или хотя бы намечены демократические институты. Они были декларированы. Был провозглашен некоторый абрис — конституционный проект. Но никакой реальной работы по строительству, формированию демократических институтов не было. Как социолог, я вынужден исходить из совершенно другой картины, которую уже не раз представлял. Мы имеем дело с чрезвычайно длительным, захватывающим несколько поколений процессом разложения советской системы, идущим с разной скоростью и в разных сегментах. Сегодня проблема заключается в том, что не произошло разделения ветвей власти. Это главное. Не произошло реальной структурной дифференциации в обществе.

Это явление не новое. В 1991 году мы имели дело скорее не с революцией, а с верхушечным разломом, с кризисом верхов, с процессом, который не затронул основные структуры и институты общества. Власть осталась не дифференцированной и не контролируемой обществом. Не были созданы никакие реальные социальные, групповые, институциональные противовесы бесконтрольной, выстраиваемой сверху вниз власти.

Верхушечный разлом привел к смене идеологии, к смене кадрового состава и повлек за собой известные в политической науке явления: резкую традиционализацию общества, апелляцию к выдуманному прошлому, рутинизацию всех отношений и отказ от социальной, экономической и политической модернизации. Главное — в результате недифференцированности институтов, зависимости всех ветвей власти от исполнительной ветви оказался стерилизован сам политический механизм: оп-

ределение целей, выработка и принятие решений, политическая конкуренция, репрезентация групповых интересов, выдвижение программ и т.д., оказался стерилизован сам потенциал элиты как группы, которая задавала бы направление и цели модернизации.

Результатом этого процесса, который мы наблюдали на протяжении путинского периода, было не только устранение свободы прессы, но и общая деморализация населения. Главная характеристика современного общества — это резкое понижение его морального и интеллектуального уровня, возврат к архаическим, примитивным в своей основе мифологизированным представлениям. Именно на них основаны сегодняшние механизмы консолидации: через образ врага, через очень сильный рост негативизма ко всем, кто не высказывает симпатий к нынешней России и ее руководству, ко всем, отличающимся от базового стереотипного представления о «русском», — к приезжим, чужим, очень умным или просто другим. По нашим данным, мы никогда не имели такого уровня ксенофобии, антизападных настроений, антиамериканских, антиукраинских, антигрузинских, антипольских, антиэстонских и прочих анти... Можно долго продолжать. Механизмы негативной консолидации в соединении с удовлетворенностью ростом уровня жизни, пусть даже очень неравномерно идущим в разных группах населения, сегодня являются главными механизмами консолидации общества. Это первое.

Второе. Блокирование политической конкуренции ведет к усилению политики систематического государственного кадрового контроля, а этот контроль в условиях деморализации общества представляет собой подбор специфиче-